

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию

НИГМАТУЛЛИНОЙ КАМИЛЛЫ РЕНАТОВНЫ

**«ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЖУРНАЛИСТСКАЯ КУЛЬТУРА В
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ»**

представленную на соискание ученой степени доктора политических наук
по специальности 10.01.10. – журналистика

Диссертационное исследование К. Р. Нигматуллиной выполнено на важную и актуальную для современной политической теории журналистики тему. Данный вывод обусловлен следующими обстоятельствами.

Во-первых, для современной теории журналистики вопрос о динамике журналистской профессии, трендах ее трансформации в условиях цифрового транзита и пересмотра жестко вестернизованной нормативной модели функций, миссии и статуса журналистики является крайне острым и актуальным. Вокруг него разворачиваются методологические и деонтологические дискуссии, ему посвящаются десятки исследований, выходят монографические и коллективные работы. Это своеобразный мейнстрим сегодняшней научной рефлексии социального и политического бытия института журналистики в «прекрасном новом мире», испытывающим все новые вызовы.

Во-вторых, исследования журналистики сегодня переживают расцвет применения компаративисткой методологии. Сравнительные глобальные и билатеральные исследования журналистских практик получают все большее распространение. В этих исследованиях применяются разные методологические основания и методические подходы, подчас противоречащие друг другу, не всегда до конца обоснованные. В таких

исследованиях зарубежные исследователи часто обращаются к российским журналистам и делают выводы об их характеристиках, профессиональных ролях и ценностях, политических позициях и т.п. И в этих условиях крайне важно появление обобщающей работы российского исследователя, которая на основании фундаментального обобщения опыта сравнительных исследований журналистов и журналистики показывает сильные и слабые места методологии наиболее авторитетных исследовательских проектов и далее предлагает авторскую интегративную методологию.

В-третьих, крайне важным является тот факт, что в фокус исследования помещена категория профессиональной журналистской культуры. В целом изучение трансформации профессиональных культур профессий, обладающих большой социальной и политической значимостью и подразумевающих высокий уровень социальной ответственности является классической задачей политической науки в целом и политической социологии в частности. Применительно к российским журналистам начала XXI века такая задача на фундаментальном уровне решается впервые.

В-четвертых, актуальность диссертационного исследования определяется ведением в российский и международный научный оборот большого количества эмпирических материалов, дающих целостную, дискурсивно разнообразную и в тоже время концептуально сбалансированную картину характеристик российской журналистики и российского журналистского сообщества конца второй– начала третьей декады XXI века во всей ее противоречивой калейдоскопичности.

В качестве цели исследования автор ставит выявление и теоретико-эмпирическую операционализацию ключевых характеристик профессиональной культуры журналистов в России в первые два десятилетия XXI века на основании авторской институционально-дискурсивной модели, аналитическую дескрипцию доминирующих журналистские группы внутри

профессионального сообщества и определение границ профессионального дискурса о журналистике, определяющего профессиональные стандарты и ценности современной российской журналистики.

Для реализации поставленной цели в рецензируемой работе последовательно решаются следующие задачи (с. 14):

1. Определить основные теоретические и методологические подходы к изучению журналистской культуры в России и за рубежом в исторической перспективе, найти общее и различное в методологических подходах.
2. Рассмотреть особенности кросскультурных международных проектов по изучению журналистской культуры, определить место российской журналистики в этих исследованиях и описать основные выводы, характеризующие текущую журналистскую культуру в России.
3. Изучить основные методы анализа журналистской культуры в современных исследованиях и предложить авторскую методологию исследования, основанную на анализе дискурса.
4. Выявить характер дискурса о журналистике и професионализме в контексте современной российской истории журналистики (в 2000–2020 годы).
5. Проанализировать составляющие журналистской культуры в России с помощью классических социологических методов, а также с помощью дискурс-анализа.
6. Выявить ключевые факторы фрагментации журналистской культуры в России, причины и характер сегментации журналистских групп внутри профессионального сообщества, связать социально-групповую фрагментацию с разрывами в профессиональном дискурсе.

7. Описать профессиональные подгруппы журналистов, выделенные на основе найденных в дискурсе противоречий, а также различий в декларируемых идеологиях и ценностях.

8. Дать характеристику основным тенденциям развития профессиональной журналистской культуры в России и сформулировать предложения по гармонизации профессионального дискурса о журналистике.

Рассмотрение представленного текста позволяет сделать вывод о том, что поставленная цель достигнута, поставленные задачи решены, причем обоснованы интересные авторские решения, обладающие несомненной научной новизной. Хотя, в порядке академической рекомендации, просьба не считать это академическим брюзжанием, отметим, что в рамках логики научного познания задачи, начинающиеся со слов «рассмотреть», «изучить», «проанализировать» в строгом смысле являются не содержательными задачами, а скорее способами решения собственно содержательных задач.

Структура работы отвечает поставленным задачам и является логичной и обоснованной. Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения. Библиография насчитывает свыше 300 источников на русском и иностранных языках и производит солидное впечатление. Работа снабжена исчерпывающим, с нашей точки зрения, набором приложений, позволяющим ознакомиться с исходными эмпирическими материалами (расшифровками интервью), которые сами по себе обладают научной и профессиональной ценностью. Также, что ценно и важно, автор приводит в приложении использованные исследовательские методики.

Во введении продемонстрировано глубокое погружение автором в проблематику диссертационного исследования: К. Р. Нигматуллина проводит детальный обзор академической литературы по выбранной теме, определяет существующие пробелы в научном знании о профессиональной культуре журналиста и методах ее изучения, теоретической реконструкции и

интерпретации в компаративном и страновом аспектах в условиях современного информационно-сетевого общества и формулирует цель, достижение которой позволяет автору закрыть часть из них. Также во введении корректно определяются предмет, объект и методологический базис исследования.

Первая глава диссертации посвящена фундаментальному обзору теоретических подходов и эмпирических исследований профессии журналиста, журналистской культуры и журналистского профессионализма в страновом и мультистранным компаративном аспектах. Производит впечатление как широта охвата теоретических подходов и исследовательских проектов, так и скрупулезность авторского анализа. В главе разобраны эмпирические проекты за последние 15 лет. По существу, перед нами академический аналитический разбор концепций и проектов по теме исследования, сделанный компетентным, внимательным и заинтересованным профессионалом для того, чтобы затем можно было на фундаменте этого разбора выстроить собственную теоретическую и эмпирическую конструкцию. Как мы знаем из других сфер, залог устойчивости любой конструкции – прочность и надежность фундамента. В данном случае, с нашей точки зрения, К. Р. Нигматуллина требования к качеству фундамента выполнила полностью. Особо отметим введение в ткань диссертации специального параграфа 1.3. «Терминология в области описания журналистской профессии и ее динамика». Уместная в работе по данной тематике операционализация неоднозначного понятийного аппарата свидетельствует о высокой методологической культуре автора. Крайне важным и, с нашей точки зрения обоснованным всей логикой анализа является вывод автора о возможности и перспективности использования дискурсивного подхода и в целом смешанных методов для исследования и интерпретации динамики (с журналистской культуры (с. 145-147).

Во второй главе К. Р. Нигматуллина к методологической составляющей и делает углубленный анализ методов и подходов, применявшимся при исследовании журналистских культур в России и за рубежом. При поиске перспективного направления концептуализации своего исследования она обращается к дискурсивному институционализму, и мы полагаем что характер авторской аргументации для выбора этой методологической ориентации является валидным. Крайне интересными и эвристически значимыми представляются промежуточные выводы автора о методологических противоречиях, с которыми сталкиваются современные исследователи журналистской культуры (с. 181-182). Наиболее важным в плане теоретико-методологической новизны представляется второй раздел второй главы, где К. Р. Нигматуллина обосновывает авторскую методологию анализа журналистской культуры. Предпосылкой для построения этой методологии стало подтвержденное анализом теоретической базы и релевантных источников предположение о том, что журналистика как система убеждений отражается в дискурсе, и даже не в дискурсе, а позволим себе метафору, и возможно предложим эту метафору автору диссертации в калейдоскопе дискурсов. Или, в совокупности вложенных друг в друга дискурсивных зеркал. Нам представляется обоснованной авторская позиция, заключающаяся в том, что фрагментированная журналистская культура может анализироваться основе подхода дискурсивного институционализма и с использованием комплексного дискурс-анализа на различных уровнях профессионального дискурса с выделением специфических институциональных логик и специфических профессиональных категорий. Сама предложенная авторская методология, с нашей точки зрения, является обоснованной, обладает характеристиками научной новизны, и, самое главное, позволяет сделать шаг вперед в методологии изучения журналистики как специфической сферы профессиональной деятельности с особой сферой социальной ответственности и особыми социетальными функциями. Причем шаг значительный.

Третья глава диссертации главе посвящена собственно описанию и анализу журналистской культуры современной России на основании применения авторской методологии, обоснованной во второй главе. Производит впечатление объем обработанных эмпирических источников, причем важно отметить, что значительная часть исходного эмпирического материала собрана лично автором, либо с ее участием. Автор последовательно проводит интерпретацию полученных результатов опросов, интервью, контент-анализа и дискурс-анализа, направленных на анализ различных составляющих журналистской культуры (профессионализм, профессиональная миссия, профессиональные роли, автономность и профессиональная этика) и выявление факторов, влияющих на изменчивость этих характеристик. Хочется приветствовать увязку полученных данных о фрагментации журналистских культур с концепцией Н. Зубаревич о «четырех Россиях». Особый интерес представляет удивляющая, с нашей точки зрения, и имеющая хорошие перспективы попытка визуализации полученных результатов в виде скалярного и векторного картирования российского дискурса о профессии.

В целом представленная к защите диссертация представляет собой законченную авторитетную академическую работу, опирающуюся на широкий круг фундаментальных источников, предлагающую перспективный научный аппарат, содержащую собственное эмпирическое исследование, имеющую значимые элементы научной новизны. Работа написана логично, оформление работы соответствует установленным требованиям. Особо стоит отметить язык, которым написана диссертация – лаконичный, понятный, стилистически выверенный, избавленный от псевдонаучного усложнения и в то же время эмоционально сбалансированный. Читать работу просто приятно.

Апробация результатов исследования осуществлена на авторитетных международных конференциях. Основное содержание диссертации отражено

в необходимом и достаточном количестве публикаций в монографиях высокорейтинговых научных журналах.

При общей высокой позитивной оценке рецензируемой работы, следует отметить, что она не свободна от ряда слабых мест и дискуссионных позиций. К числу наиболее существенных проблемных и дискуссионных мест диссертации отнесем следующие.

Во-первых, вызывает вопросы отбор для теоретических подходов в параграфе 1.4. Автор на с. 167 пишет ... «Важно, что к этой идеи подводит разнообразие подходов, которые становились базисом для предыдущих исследований. Рассмотрим наиболее часто встречающиеся из них, а также такие теории, которые косвенно лежат в основе изучения журналистской культуры.» И далее проводит краткое описание теорий социального поля П. Бурдье, актор-сетевой теории, сравнительной теории медиасистем Халина-Манчини, «четырех теорий прессы» Зиберта, Шрамма и Петерсона, теории гейткипинга, концепцию «множественных публичных сфер» Флориана Тепфля, концепцию девестернизации, и т.п. (с. 167-178). При этом в тексте в эксплицитном виде не приводится ни критериев отбора теоретических подходов, ни их уровневой или иной классификации. Такая методологическая «вседоступность», на наш взгляд, не служит на пользу делу. Обозначенные теории неравнозначны и несопоставимы по своему статусу и объяснительному потенциалу, принадлежат к разным предметным полям, претендуют на разный уровень обобщения и т.п. В результате обзор приобретает эклектичный и социологически неоперациональный характер.

Во-вторых, дискуссионными можно считать некоторые гипотезы и исследовательские вопросы, которые автор формулирует в самом начале параграфа о своей авторской методологии. На странице 185 автор пишет: «Наблюдения автора в редакциях СМИ, педагогическое общение с молодыми специалистами и медиаэкспертная работа в 2010-е годы привели к постановке

следующих исследовательских вопросов»... И далее формулирует вопросы и гипотезы к ним. Так, с нашей точки зрения, не выдерживает критики гипотеза к исследовательскому вопросу № 3. Автор формулирует ее следующим образом: «Гипотеза 3. Формирование журналистских профессиональных групп внутри сообществ происходит на стыке внутренних и внешних факторов, влияющих на профессию и медиасистему в целом.» (С. 186). В такой формулировке это не гипотеза, а констатация очевидного тривиального факта, не требующая доказательств. Очевидно, что в рамках любой широкой профессиональной группы формирование внутренних профессиональных групп происходит на стыке значимых внутренних и внешних факторов. Другое дело, что обсуждение этой и последующих гипотез выводит нас на вопросы более общего порядка. Это вопросы о динамике и внутренней фрагментированности профессий с высоким уровнем социальной значимости и социальной ответственности и этической составляющей в условиях пост тоталитарного транзита и цифровой трансформации. Скажем, юриста, учителя. Или профессию врача, сложную фрагментацию которой мы наблюдаем в период пандемии COVID-19. И с нашей точки зрения, диссертация только бы выиграла, если бы автору удалось где-то выйти на метауровень общих трансформаций таких профессий в современный период.

Третий наш вопрос – скорее не замечание, а приглашение к дискуссии. Он связан принципами выделения институциональных логик журналистики. Автор на с. 217 пишет: «В качестве отправной точки для реконструкции смыслов мы выбрали разделение дискурса о профессиональном институте журналистики на условные институциональные логики — нормативную, рыночную, логику сообщества и логику цеха, которые соотносятся с ключевыми категориями респондентов». И далее предлагает вполне операциональную, на наш взгляд таблицу 4. (с. 218). В связи с этим методологическим подходом возникает два вопроса. Первый: как автор относится к возможности «перекрестного опыления» институциональных

медиалогик, их взаимопроникновения? Скажем, нормативной и рыночной, что, как мы видим, встречается очень часто. Вопрос второй: насколько можно считать цеховую логику действительно институциональной?

В-четвертых, требует обсуждения еще важный вопрос связанный с предлагаемой методологией. Это вопрос зависимости - независимости дискурсов, их текучести и перетекания друг в друга. Представленная авторская методология предлагает исследование на четырех уровнях дискурса, который отражает и концептуальный, и перформативный аспекты журналистской культуры (с. 234). Поставленный вопрос принципиально важен в особенности тогда, когда в качестве порождающего дискурс субъекта выступает носитель разных институциональных идентичностей. И в результате возникает вопрос методический, как в дискурсивных построения выделять линии детерминации институциональной логики той или иной ролевой модели. Тем более, что выделение/атрибуция/присвоение институциональной модели и, соответственно экспликация институциональной дискурсивной логики производится внешним по отношению к субъектом дискурсивных практик актором. Интервьюером или исследователем. В нашем случае – авторов диссертации. То есть в исследовательских процедурах мы имеем дело сначала с внешним для субъекта дискурса контекстуальным фреймированием институционального позиционирования, а затем с отношением к полученной дискурсивной конструкции как продукту свободного дискурсопорождения со стороны субъекта. Таким образом имеет место исследовательское приписывание объективации институционального дискурса на самом деле внешне фреймированному контексту дискурсопорождения. И это позволяет поставить вопрос о строгой валидности предлагаемого методологического подхода. Хотя, конечно, мы понимаем, что это скорее придирка профессионального социолога.

В-пятых, есть вопрос к используемой автором категории «признаков дискурсивности института журналистики». На с. 272 автор пишет: «Главные

признаки дискурсивности института закреплены в категориях, которые присутствуют в профессиональном дискурсе текущего времени...». В этой связи возникают вопросы. Что такое признаки дискурсивности института вообще, как эта категория определяется на метатеоретическом уровне? Как в принципе признаки дискурсивности института могут быть закреплены в категориях, присутствующих в дискурсе? Именно в категориях? Почему это именно категории, а не, скажем, концепты, или установки? И в целом, с нашей точки зрения, признаки дискурсивности эмпирически могут быть зафиксированы не в наличии тех или иных категорий, а в дихотомической расщепленности дискурса в рамках этих категорий, либо в наличии в дискурсе операционально измеримых бинарных оппозиций. Причем, неважно, какой это дискурсивный институт, журналистика, семья или смертная казнь.

И последнее, шестое. Скорее не замечание, а сомнение. В заключительных разделах работы автор размышляет о путях гармонизации журналистского дискурса. Идея, несомненно, проистекающая из позитивной креативной авторской логики. Гармония в большинстве случаев лучше дисгармонии. В искусстве, наверное, да. А вот в обществе и природе... Гармония между всадником и лошадью? Между волками и овцами? Между менеджментом и персоналом? ... Возможно, кем-то стимулирование движения к гармонии может расцениваться как движение в правильную сторону. Даже если это гармония дискурса. Но такой уверенности нет, и нам кажется, не может быть. Вопрос о гармонизации дискурса вообще непростой. Он подразумевает никак не доказанный ни в теории, ни на практике тезис о том, что в негармоничном априори метадискурсе социума, состоящего из конкурирующих за социальные ресурсы акторов, возможна гармонизация локального дискурса. Дискурс всегда идеологичен и выстроен вокруг отношений власти. Собственность на дискурс по Фуко и есть власть. Власть всегда распределена неравномерно. В этом вся проблема, в особенности применительно к таким типам профессий, которые предполагают сильный

этический компонент, высокую социальную ответственность и институциональную встроенность в отношения власти.

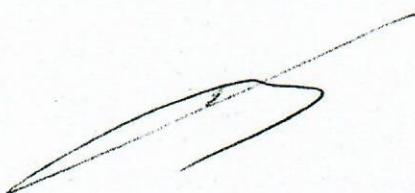
Еще раз отметим, что данные замечания есть скорее приглашение к дискуссии и предложения по развитию и уточнению ряда положений рассматриваемой диссертации. Они ни в коей мере не снижают общего позитивного отношения к ней и не ставят под сомнение новые научные результаты, полученные автором, и в целом общую научную ценность текста.

Еще раз отметим высокую степень научной новизны полученных результатов, их глубину и масштабность, что, без сомнения, соответствует высокому уровню требований к докторским диссертациям.

Общий вывод.

Диссертация НИГМАТУЛЛИНОЙ Камиллы Ренатовны «Профессиональная журналистская культура в современной России» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 года № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете». Соискатель Нигматуллина Камилла Ренатовна заслуживает присуждения ученой степени доктора политических наук по специальности 10.01.10 – журналистика.

Пункт 11 указанного Порядка диссертантом не нарушен.

Член диссертационного совета
доктор социологических наук, профессор
зав. кафедрой связей с общественностью
в бизнесе ФБГОУ ВПО
«Санкт-Петербургский государственный
университет»
06.08.2021

Д. П. Гавра